

Аноним

ОТ „СТАБИЛЬНОСТИ” К „УСКОРЕНИЮ”*

С приходом к власти весной 1985 г. М. С. Горбачева Советский Союз вступил в новую эпоху. С этим согласны все — от государственных чиновников до критической интеллигенции. Менее ясно, однако, какова историческая сущность этой новой эпохи, перспективы развития страны.

Брежневское руководство, сформулировав в конце 60-х годов лозунг „стабильности”, делало все возможное, чтобы „подморозить Россию”, предотвратить назревавшие перемены, уйти от решения стоящих перед страной проблем. Тем не менее социальное и экономическое развитие страны продолжалось, а проблемы накапливались и обострялись. Очевидно, к середине 80х- годов был достигнут предел возможностей данного курса. Стало ясно, что продолжение брежневской политики не только ведет к катастрофическим последствиям для экономики, но и подрывает военную мощь нашей страны. Неспособность советской армии подавить крестьянскую войну в Афганистане в 1980—81 годах (до того как повстанцы начали получать сколько-нибудь существенную помощь из Соединенных Штатов и Китая) была тревожным симптомом: если так пойдет дальше — мы утратим статус сверхдержавы.

Технократические и реформистские группы правящих верхов, пробившиеся к власти вместе с Горбачевым, явно стремятся к переменам. Другой вопрос — как они эти перемены

* Материал распространяется в советском Самиздате.

себе представляют. Здесь явно нет полного единства. Борьба линий внутри нового правящего блока видна невооруженным глазом. „Концепция ускорения”, выдвинутая Горбачевым вместо брежневской „стабильности”, каждой бюрократической группировкой трактуется по-своему. Можно выделить по крайней мере две тенденции — более консервативную, представленную Лигачевым, Рыжковым и аппаратом Госплана, и более реформистскую, к которой принадлежат, очевидно, Воротников и сам Горбачев. Наличие долговременных стратегических разногласий в аппарате власти является важнейшим и принципиальным политическим фактором новой эпохи.

Есть и другие новые факторы, характерные для „эпохи ускорения”. Прежде всего за время Брежнева социальное развитие нашего общества достигло качественно более высокого уровня. Политическая система, похоже, утрачивает монолитность в то самое время, как общество постепенно консолидируется. Этот процесс хорошо известен всем восточноевропейским странам, теперь он докатился и до СССР.

Другим важным моментом является ухудшение экономической ситуации. Независимо от того, какие меры будут приняты, снижение жизненного уровня неизбежно как своего рода расплата за нерешенные проблемы брежневизма. Снижение цен на нефть на мировом рынке, обострение энергетического дефицита внутри страны, неблагоприятные демографические процессы, массовый физический износ промышленного оборудования, которое во времена Брежнева своевременно не заменялось (!) — все это не может не сказаться на экономике страны. Подходит время платить по счетам. Оставив свои счета в наследство новому руководству, Брежнев не снял с него ответственности за то, что происходит в стране, он лишь поставил его перед крайне драматическим выбором.

Особенно трудным обещает стать период 1988—90 гг. Очевидно, на этот же период должно прийти и новое обострение мирового капиталистического кризиса. Хотя последнее обстоятельство, быть может, обрадует официальных пропагандистов, в экономическом плане это не предвещает ничего хорошего. Бесспорно, Советский Союз не виноват в том, что капиталистические методы хозяйствования в странах Третьего мира привели к катастрофическому росту внешнего долга и дезинтеграции

экономики. Но беда в том, что наша страна во времена Брежнев-ва оказалась достаточно прочно втянута в международные хозяйственные связи, не заняв, однако, прочных позиций на мировом рынке. Вспышка кризиса на Западе, вполне возможная при нынешних обстоятельствах (огромный внешний долг развивающихся стран, обострение противоречий между основными центрами мирового капитализма и т. д.), не может не затронуть и Востока. Нельзя забывать, что наша страна является импортером продовольствия, а следовательно для нее условия внешней торговли являются очень важным внутренним фактором.

В политическом отношении огромную роль играют сдвиги, происходящие среди оппозиционной интеллигенции и молодежи. Правозащитное движение — „классическое” диссидентство — фактически исчезло. Это не значит, что оппозиции больше нет. Просто происходит замена одних исторических форм общественного движения другими. Хотя процесс перестройки зачастую болезнен и связан с определенными издержками, он жизненно необходим.

Уже в первой половине 80-х годов заявили о себе новые течения, которые, несмотря на все различия между ними, можно определить как демократические левые. В целом легко заметить немало сходства между развитием левых сил на Западе и теми сдвигами, которые происходят в советской оппозиции. Три основных левых течения, выделившихся в 80-е годы в нашей стране — пацифисты, экологи и социалисты. Очевидно не случайно, что именно эти течения преобладают и среди западных левых в 80-е годы.

Деятельность пацифистов привлекает к себе наибольшее внимание, ибо только они имеют оформленную организацию — группа „Доверие”. Их идеи пропагандируют некоторые рок-ансамбли, у них большое количество открытых сторонников среди молодежи (по крайней мере в Москве и Ленинграде).

Экологическое движение, напротив, развивается главным образом в официально-легальных формах. Экологи объединились вокруг двух главных вопросов — борьбы за спасение Байкала и против проекта переброски северных рек на юг страны. В обоих случаях они имеют пока возможность открыто выступать в печати.

Социалистические группы временно отступили на второй план. По нашему мнению, однако, именно им предстоит объединить разнообразные выступления демократических левых в единое общественное движение.

Сторонники новой экономической реформы, опирающиеся на широкие круги управленческого аппарата, тоже активизировали свою деятельность. Некоторые реформистские теоретики (например Бунич и Аганвегян) выступили с весьма радикальными предложениями. Во многом их идеи созвучны тому, что социалистические группы предлагали еще во времена Брежнев-ва.

Какие перспективы открываются перед демократическими левыми в „эпоху ускорения”? Во времена Брежнев-ва конфронтация с властями была неизбежной и необходимой. Теперь ситуация изменилась. Рой Медведев, традиционно представлявший умеренное крыло социалистического движения в нашей стране, фактически уже изменил свою позицию. Его стратегия — критическая поддержка горбачевской линии (особенно в тех случаях, когда эта линия наталкивается на сопротивление консерваторов).

На наш взгляд этого недостаточно.

Демократические левые должны искать собственную автономную позицию, а не плестись в хвосте у официального реформизма. Это тем более необходимо потому, что новые лидеры страны явно не готовы, по крайней мере на данном этапе, сделать логические выводы из собственных призывов. Реформы проводятся медленно не только из-за сопротивления бюрократов-консерваторов. Принятые решения пока, по признанию даже официальных авторов, сводятся к полумерам. Это отражает противоречивость самого нового официального курса, основанного на попытке вводить обновление старыми методами.

Лозунгом правительства стало единство слова и дела. Но поскольку слова стали намного честнее и радикальнее, а дела остаются нерешительными и противоречивыми, разрыв между словом и делом порой даже увеличивается. В условиях возросшей социальной напряженности это может привести к усилению недовольства и активизации социальных слоев, которые раньше молчали.

Наконец, следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Реформистская часть правящих верхов в значительной степени деидеологизирована. Характерно, что упоминания о революционных традициях и социалистических идеалах в выступлениях новых руководящих лиц — особенно причисляемых к реформистской фракции — встречаются достаточно редко и имеют порой явно ритуальный оттенок. Между тем последовательная реформистская стратегия, на наш взгляд, не может быть разработана без использования социалистической идеологии и исторического опыта левых сил мира. Это тем более необходимо потому, что деидеологизация не может стать мобилизующим фактором реформистского движения. Склонность прагматиков, стоящих на высоких постах, к отказу от идеологической жесткости объяснима и даже похвальна. Но это как раз и означает, что идеологические задачи реформы не могут быть выполнены в рамках официального курса, и их должны взять на себя демократические левые.

В такой ситуации критическая поддержка наиболее прогрессивных групп в правящей верхушке, разумеется, нужна. Реформистские круги, действующие в рамках официальной системы, заслуживают всяческого одобрения. Но главная задача демократических левых состоит в том, чтобы работать для объединения всех официальных и неофициальных сил, выступающих за действительные перемены. При этом использование новых легальных возможностей, открывшихся после смены высшего партийного руководства, должно играть очень большую роль. Но их надо использовать для того, чтобы, не превращаясь в охвостье официального реформизма, выдвигать собственные идеи и альтернативы, стать самостоятельным фактором перемен. Задача трудная, но выполнимая.

Й. Коста, Ф. Левчик

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ — ЧЛЕНАХ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

I . Экономика и политика „реального социализма”

1. Экономическая неустойчивость как угроза стабильности политической системы

Первые признаки уязвимости политической системы стран Восточной Европы, системы „реального социализма” советского образца, переживающей постоянно растущие экономические трудности, стали заметны еще в 50-е годы. Так, в июне 1953 г., когда в Чехословакии провели денежную реформу, нанесшую тяжелый удар по сбережениям широких слоев населения, чье экономическое положение заметно ухудшилось после экономического подъема первых послевоенных лет, рабочие г. Пльзень и ряда других городов выступили с демонстрациями протеста и стачками. (Kosta, 1978, 83; Tigris, 12).¹

Сразу же за этими событиями, буквально три недели спустя, руководство ГДР выступило с требованием более высокой производительности рабочих, что необходимо, как они утверждали, для преодоления товарного голода — результата однобокой, направленной на накопление и пренебрегающей привычным для населения уровнем жизни экономической стратегии. Объявленное в этом контексте увеличение норм